

Копипаста: Забетонированная слизь — Lurkmore

Давным давно ещё в советское время у нас в городе нашли странный грязевой источник. В тихом спальном районе, во дворе одного из обычных пятиэтажных хрущевских домов, который никогда не то, что не асфальтировали, а даже булыжником не мостили, смерть, чума, спид, красный прямоугольник, начала появляться странного вида слизь, по внешнему виду напоминающая сопли. Обычные сопли. С одной стороны. С другой стороны, это были не просто какие-то сопли, а самые разные сопли, собранные в одну кучу: и обычные белые, и гнойные зеленые, и желтые, и даже красные кровавые. Собирались все эти сопли в одну большую лужу, по бокам она представляла собой большую засохшую козюлю, по центру сопли были мягкие и мокрые, как будто только что из носа.

Я не удержался и спросил его: «папа, зачем ты каждую субботу собираешь целую тачку этих соплей и отвозишь в подвал?». Он грустно посмотрел на них и так ничего мне и не ответил, а лишь зачерпнул очередную порцию соплей и уверенным движением отправил их в тачку. В тот вечер я решил, что я непременно должен выяснить, зачем же он это делает. В этот день у нас был праздник, день рождения мамы, под вечер у нас собрались гости, было бурное застолье, алкоголь тек рекой. К полуночи, когда гости стали уже расходиться, отец был пьян и слабо контролировал себя. Я дождался, когда все ушли по домам, а отец лег спать, пробрался к нему в комнату и вытащил у него из внутреннего кармана пиджака ключи от подвала...

Взяв свой старый фонарик, я тихо пробрался в коридор, оделся, и с отцовским ключом вышел в подъезд, после чего сразу же спустился на первый этаж и открыл дверь, ведущую в подвал. Лестница оказалась слишком длинная, казалось, что она уходит вниз этажей на пять, не меньше. Чтобы не тратить батарейки фонарика, я открыл дверь в подъезд и оставил подвальную дверь открытой. Теперь луна освещала мне дорогу, и я стал спускаться. Мне показалось, что спуск длился целую вечность, но, добравшись до цели, я оглянулся назад — проем двери был совсем рядом, как будто я отошел от него всего на несколько шагов, но он был где-то вверху и казался совсем маленьким. Списав свое странное восприятие окружающего пространства на усталость после долгого дня, я решил оглядеться в подвале, в котором я оказался. Чтобы мне было лучше видно, я включил фонарь. Это была маленькая комнатка четыре на четыре метра. Воздух был ужасно сухой и пыльный, но не просто пыльный, в нем была целая завеса цементного порошка. В стене справа был небольшой дверной проем, за которым находился коридор длиной раза в два больше самой этой комнаты, заканчивавшийся тупиком. Кроме тонких водопроводных труб в нем ничего не было, поэтому он не привлек моего внимания. Но рядом со входом в этот коридор на полу я заметил небольшое прямоугольное отверстие с бордюром по краям. Оно было похоже на маленький колодец. Осмотрев его внимательно, я увидел на одной из его стенок железную лестницу, ведущую вниз. Не медля ни секунды я стал спускаться по нему. Спуск был достаточно короткий, и, завершив его, я оказался в новом коридоре. Спускаясь вниз я сразу же ощутил, что сухость воздуха, пыль и цемент исчезли. Это был обычный подвальный коридор, какие бывают, наверное, во всех домах. Слегка сырой воздух, легкий запах гнили — это все, что я почувствовал.

В этот же момент я услышал, как дверь в подвал захлопнулась. Это вполне могло вызвать испуг, но мне было все равно: только месяц назад я вернулся из пионерского лагеря, в котором мы каждую ночь рассказывали друг другу страшилки. Решив, что это ветер закрыл дверь, я огляделся. Под самым потолком гудели две тонких трубы, пол был покрыт белым кафелем, а стены были небрежно покрашены в бурый цвет. Я усмехнулся, подумав, что вместо краски была использована запекшаяся кровь сотни человек, но сходство действительно было поразительное. Коридор был длинный, конца видно не было, я решил его найти и пошел вперед. Сделав пару десятков шагов я заметил, что потолок становится все выше, а сам коридор становится все уже и уже. С каждым новым шагом стены потихоньку приближались друг к другу. Я шел достаточно долго, пока расстояние между стенами не заставило меня повернуться боком и буквально протискиваться вперед, но тут, неожиданно для себя, я уперся в конец тунеля. Это оказалась черная шершавая стена. Потрогав её, я понял, что это покрытый слоем гари толи алебастр, толи тот же цемент, толи просто мел. Поковыряв стену пальцем, я понял, что материал очень податливый. Я достал ключ, которым я открыл дверь в подвал, и начал кусочек за кусочком крушить стену. Это занятие оказалось очень нудным, но мне было интересно, что же там за стеной, поэтому я увлеченно продолжал отколупывать все новые и новые кусочки.

Стена оказалась слишком толстой. Проковыряв её вглубь на полметра, я уже было решил, что она никогда не закончится, но в этот самый момент мне в глаза ударил слабый свет — я сумел проковырять отверстие наружу. Отверстие было совсем небольшим, сантиметров пять в диаметре, но и через него мне все было прекрасно видно. То, что я увидел, показалось мне странным. За стеной был наш двор. Такой же двор, как и обычно. Грязь, забор, турники, другие соседние дома, даже пресловутая лужа с непонятной сопливой слизью. Но смотрел я на него как-будто бы сверху. Так, словно я залез на крышу нашего дома, и наблюдаю все происходящее оттуда. Где-то далеко за домами загорался рассвет, всходило солнце, я подумал, что уже наступило утро и мне нужно возвращаться домой и собираться в школу, но тут мое внимание привлекла эта странная лужа со слизью. Точнее не она сама, а скамейка рядом с ней, которая обычно стояла возле нашего подъезда. На ней сидели двое пенсионеров, пристально разглядывавших лужу. Они молчали, и просто наблюдали за ней. Взгляд их казался пустым и застывшим. Моросил легкий дождик, но во всем дворе стояла какая-то странная пугающая тишина. Не было ни пения птиц, ни шума пробуждающихся соседей, ни звуков машин, проезжающих по трассе с другой стороны нашего дома. В этой тишине я молча разглядывал двух странных пенсионеров, и вдруг мне стало страшно. Внезапно я

понял, что они очень сильно похожи на моих бабушку и дедушку. То же самое вишневое пальто на бабушке, та же дедова трость и шляпа. Это было очень странно, поскольку моя бабушка умерла уже три месяца назад, а дедушка после её смерти жил один на другом конце города. Посмотрев на них внимательнее, я понял, что не смогу точно определить, они ли это, или нет — все же я был от них достаточно далеко. Я решил, что все это мне просто показалось, и что это просто другие, незнакомые мне люди. Я решил вернуться домой, но по дороге назад выйти из подъезда и на всякий случай посмотреть на них вблизи. Уже известным мне путем я поднялся вверх, закрыл дверь в подвал, и вышел из подъезда. На улице было темно, на улице стояла ночь. Ни какого намека на раннее утро не осталось. Скамейка стояла у подъезда как и раньше, вокруг лужи никого не было. Я долго стоял, не понимая, что же на самом деле я увидел там, внизу. Не найдя никакого логического объяснения, я поднялся домой, вошел в свою квартиру, снял куртку и незаметно вернул ключ пьяному спящему отцу. Тут же я наткнулся на сонную мать, она сказала мне: «ты почему не спишь? Уже пять минут первого!». Посмотрев на часы я опешил... Маленькая стрелка указывала на двенадцать, большая — на пять. Было действительно пять минут первого. Я был готов поклясться, что поход в подвал занял у меня целую вечность, но на самом деле он длился всего пять минут.

«Я был там», — сказал я отцу, — «это я расковырял стену». Он смотрел на меня непонимающими глазами. «Стену в подвале, я все видел», — продолжал я, — «в ту ночь, когда умер дедушка, я все видел». Отец смотрел на меня и молчал. «Я видел дедушку, он сидел рядом с ней, я все видел», — срываясь на крик, я закончил. Он посмотрел на меня в последний раз, зачерпнул очередную порцию слизи и уверенным привычным движением отправил её в тачку. Его взгляд был таким же пустым и застывшим. В тот день, когда я решил во всем признаться, мы больше не говорили с ним. На следующее утро все было как обычно. Завтрак всей семьей, поход в школу, общение с одноклассниками. Я больше никому не рассказывал о том, что что видел в подвале. Да и расскажи я кому, врядли бы мне поверили. Дальше я решил действовать один, но что именно мне нужно было делать, я не знал. Скоро начались осенние каникулы, и я уехал на отдых к тете в другой город. Когда я вернулся обратно, на месте лужи уже стоял бетонный саркофаг. Прямоугольный бетонный саркофаг. По форме он напоминал колодец, в который я спустился той ночью, но с забетонированным верхом. Позже на его месте построили какой-то сарай.

Я долго клянчил у мамы две копейки, но время было тяжелое, и денег я так от неё и не получил. Но, на мое счастье, гуляя однажды по парку с друзьями я увидел на асфальте старую неприметную почерневшую от времени монетку — заветные две копейки. Теперь я знал, что делать. На следующее же утро, вместо того, чтобы идти в школу, я, отойдя от дома пару кварталов, развернулся и пошел к тому самому телефонному автомату. Мое сердце екнуло, когда я увидел в нем его. Завернутый в черное плотное пальто, он крепко прижал телефонную трубку к своему лицу и что-то шептал. Я спрятался за углом, и ждал, когда же он выйдет. Это произошло довольно скоро, он вышел из будки, закрыл за собой дверь и ушел, как мне тогда казалось, совершенно меня не заметив. Я тотчас пробрался в будку и обнаружил на телефонной трубке были следы красной слизи, мне пришлось тщательно вытереть её кленовым листом, я боялся её и мне было просто противно. После этого я вставил заветные две копейки в щель для монет и набрал номер. 91-99-71, его было сложно забыть, он навсегда отпечатался в моей памяти после того странного случая. В трубке послышались гудки. Обычные длинные гудки, намекающие на то, что линия свободна, и вот-вот кто-то возьмет трубку на противоположном конце. Но этого не случилось. Так я стоял минут пять, слушал гудки и вдруг заметил, что постепенно гудки становились все длиннее. Мурашки побежали по моей спине после осознания этого факта, а вдруг мой тайный собеседник уже взял трубку и теперь просто гудит для меня, попутно слушая мои мысли? Тогда я громко и четко произнес: «Алле?».

«Здравствуй, мой маленький друг!», — ответила трубка, — «ты хочешь знать правду? Тогда ты должен её найти», — после этого трубка замолчала. От страха я повесил её обратно на рычаг, снял её снова — в ней не было ничего, кроме тишины. Я повторил нехитрую операцию ещё несколько раз, но не услышал в ответ ничего, даже гудков. Тогда я вышел из будки и закрыл за собой дверь. Мои ноги казались ватными, свиная голова еле держалась у меня на плечах, все окружающее пространство плыло у меня перед глазами. Холодный северный ветер дул мне в лицо со страшной силой, редкие прохожие смотрели на меня искоса, встречные собаки неистово лаяли, мне было все равно, я шел вперед. Я не знал, куда я иду, что-то внутри меня само подсказывало, куда мне следует идти, и я шел. Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как я последний раз опустил трубку на рычаг. Может пять минут, может пять часов. Я шел вперед. Вдруг я остановился. Я понял, что разгадка где-то близко, что-то привело меня к ней само. Я повернул голову направо и увидел старый полуразрушенный домишко. Опшарпанные стены, скрипучие половицы, длинный коридор с закрытыми по обе его стороны дверьми и маленькое окошко под потолком на противоположной стене — вот все, что я увидел, когда зашел в него. Я направился к этому окошку. Скрип половиц выстрелами отдавался в моих висках. Когда я очутился в конце коридора, я снова повернул голову направо. Передо мной была открытая дверь, и я зашел в неё. Это был старый общественный туалет. Стены, покрытые белым кафелем, лужи непонятной жидкости на полу, падающие со ржавых труб капли воды. Я сделал несколько шагов и развернулся направо. Я увидел. Я увидел то, что я должен был увидеть. Это была старая, покрытая желтым налетом, раковина с висевшим над ней разбитым зеркалом. Я открыл кран, смочил руку водой и... высморкался. На моей руке оказалась мерзкая зеленая сопля. Я всё понял.

Прошло пять лет с того момента, как родители развелись, и мы с мамой переехали на другой конец города. Вскоре после этого отец, продав старую квартиру, тоже переехал в другой район. Он разорвал все контакты со своими друзьями и жил совершенно один, практически ни с кем не общаясь. Он сильно изменился, став другим человеком и закрывшись в своем внутреннем мире. Изредка я заходил к нему в гости, и это был один из таких дней. Я подал свои документы в вуз для поступления и участия во

вступительных экзаменах, и теперь шел навесить своего папу. Он жил в индустриальном районе, полностью состоявшем из бетона, металла, асфальта. Некогда посаженные деревья вокруг его дома так и не выросли, засохшими палками торчав из-под земли. В моей руке был свежкупленный рулет с вишневым повидлом, я хотел увидеть отца, просто побеседовать с ним, попить с ним чай, скрасить его одиночество. Поднявшись на девятый этаж и позвонив в его дверь несколько раз, я долго ждал, пока он впустит меня, но этого не произошло. Очевидно, его не было дома, и мне больше ничего не оставалось, как вернуться к себе, так и не встретившись с отцом. Выходя из подъезда, что-то подтолкнуло меня прогуляться вокруг здания, в котором он жил. Наверное, это было не зря, поскольку во внутреннем дворе под его балконом я обнаружил странное бурого цвета пятно. Краска это была или запекавшаяся кровь я не смог определить, но я отчетливо видел по краям этого пятна небольшие комочки кроваво-красной слизи. Той самой. Ощущение какой-то гнетущей безысходности наполнило меня, я оставил рулет на месте этого пятна и вернулся домой, где узнал от матери, что несколько дней назад отец окончил жизнь самоубийством.

Прошли годы. Я поступил в престижный вуз. Я учился, подрабатывал по вечерам в одной небольшой конторке, совершенно забыв о том странном случае, произошедшем со мной в детстве. Однажды, после успешно сданной сессии, мы с друзьями устроили вечеринку. Я был пьян, и, поскольку у нас закончились сигареты, я решил прогуляться в соседний ларек. Дождь лил как из ведра, но пьяному море по колено. Чтобы добраться к ларьку, мне нужно было всего лишь перейти улицу. Все, что я запомнил, это яркий свет фар откуда-то сзади, громкий сигнал автомобиля, удар, мат водителя, я лег на капот...

Очнулся я в одиночной больничной палате. По крайней мере, тогда она напоминала именно больничную. В двух шагах от моей кровати я увидел маму. В её заплаканных глазах явно читался вопрос: «Зачем?». «Зачем?», — с горечью в голосе спросила она, — «зачем же?». После этих слов она молча развернулась и ушла, закрыв за собой дверь. Я долго лежал, глядя в потолок, пытаюсь восстановить в своей голове ход событий. Каждая клеточка моего тела ныла, какбы посылая в мозг этот вопрос: «Зачем?». Снова и снова я слышал его: «Зачем?». Мерзкая боль с этим вопросом наполняла все мое тело. Все тело, кроме ног — их я совершенно не чувствовал. Я решил сдернуть одеяло, чтобы осмотреть себя, но в этот момент справа от меня раздался звонок. Я обернулся. Рядом со мной на прикроватной тумбочке лежал мой телефон. Слабеющей рукой я взял его. От того, что я увидел на его дисплее, меня бросило в дрожь. Мне звонил абонент с номером 91-99-71.

Прошло целых пять лет после того, как моя жизнь разделилась на «до» и «после». Прошло целых пять лет после события, кардинальным образом изменившего мою жизнь. Прошло целых пять лет с того момента, как я попал в эту нелепую автокатастрофу, отнявшую у меня ноги. Я больше не мог вкушать плоды жизни, отсутствие нижних конечностей навсегда приковало меня к инвалидной коляске. С тех пор моя жизнь наполнилась цинизмом и безразличием. Ничто больше не интересовало меня. Ни тот подвал, ни судьба того парнишки, ни тот незнакомец, ни тот глупый телефонный номер...

В этот день мне исполнилось двадцать пять лет. Мама приготовила мне пирог со свечами, по телефону меня поздравили мои бывшие однокурсники... Да шли бы они к черту со своими поздравлениями, все они после окончания вуза стали успешными людьми, у всех у них были карьеры, семьи, дети... Один я влачил жалкое существование, запертый в ограниченное пространство своих скудных возможностей. Я смотрел в окно: был солнечный день, пели птицы, на деревьях распускались новые зеленые листья, наступала весна. Под вечер позвонил мой старый друг, с которым когда-то давно мы жили в той самой хрущевке в том самом дворе. Он знал про слизь. Он знал про подвал. Он знал все. Мы долго общались с ним о всякой ерунде, под конец нашей беседы мы почему-то вспомнили про все те события. Он сообщил, что сарай на месте саркофага все так же стоит, и предложил мне сходить в него. У меня не было особых дел, поэтому я согласился, и на следующее утро он заехал за мной. У него был небольшой фургончик, в который поместилась моя коляска, и в котором мы приехали туда. Сколько лет прошло с того момента, как я переехал, но наш двор совершенно не изменился. Всё те же турники, всё тот же забор. Разве что посаженные когда-то в моем детстве деревья стали большими. По центру двора стоял сарай. Его деревянные стены порядком подгнили, а на одной из них красовалось непонятное граффити и глупая надпись «всегда смотри направо».

После того, как мы вышли из сарая, мы решили спуститься в тот подвал. У нас не было ключей, но ломик сделал свое дело, и старая деревянная прогнившая под влиянием времени дверь, скрипнув петлями, открылась. Да, за ней мы увидели все ту же ведущую глубоко вниз лестницу. Мой друг взял мою коляску, и мы осторожно начали спускаться по старым ступеням. Как и в прошлый раз, спуск казался невероятно долгим, но, очутившись внизу и оглянувшись, а это было первое, что сделал лично я, мы увидели большую длинную лестницу и двери входа где-то наверху. Пространство в этот раз не искажалось, путь назад выглядел естественно, и я потихоньку начал сомневаться в том, что во время первого моего спуска в подвал мои глаза говорили мне правду. Это сомнение многократно усилилось, когда мы оглядели подвальную комнату. Это все также была комнатка четыре на четыре, все также на правой её стене был проем с коридором метров на восемь... Но! Никаких следов колодца рядом с ним не осталось. Вместо колодца по всему протяжению коридора была вырыта в метр глубиной траншея, продолжавшаяся и в комнате. Практически все пространство траншеи занимала большая старая ржавая металлическая труба, вроде канализационной. Она гудела, было понятно, что по ней что-то течет. Пристально смотря на неё несколько минут, мы прислушивались к гулу, который она издавала. Это был не обычный гул, которым гудят трубы, это было нечто иное. Звук был тихий, поэтому я предложил другу послушать его, находясь ближе к трубе. Он припал к ней, на какое-то время став моими ушами. Он рассказал, что внутри трубы он слышит чью-то речь...

Речь перемежалась тихими криками и стонами, такими, будто в трубе кого-то мучили, и при этом было слышно, как речь течет. Из одного конца трубы в другой. Это не была речь одного человека, голоса постоянно менялись. Мужские, женские. Низкие, высокие. Разобрать, что они говорили, было невозможно. Голоса либо перемешивали буквы в словах, либо говорили их задом наперед, либо просто произносили случайные слоги. Звуки трубы потихоньку становились все громче и громче. Тогда я не выдержал, и попросил друга помочь мне лечь на трубу, я сам хотел все это услышать. Друг помог мне, и вот я уже прижимаю к трубе свое ухо. Да, я услышал все это, это было действительно жутко, и одновременно непонятно. И вдруг кто-то изнутри трубы провел чем-то металлическим по её стенке, я услышал страшный лязг, почувствовал легкий удар, прошедший сквозь толщу металла. Одновременно с этим звуки стали громче. Намного громче. Чтобы услышать их, уже не надо было прикладывать к трубе ухо. Я испугался и попросил друга поднять меня и посадить обратно на коляску. После этого мы ещё полчаса стояли в подвале и слушали трубу. Постепенно звуки затихли. Мы так и не поняли их природу, поэтому без какого-либо результата нам пришлось вернуться на поверхность.

"Всегда смотри направо". Я все думал и думал об этой надписи на том сарае. Вдруг в ней есть какой-то смысл? Вдруг она является ответом на мой вопрос? Я посмотрел направо и уткнулся взглядом в моего друга, и его машину. А что, если нам сесть в неё, поехать и все время, там, где это возможно, поворачивать направо? Улицы нашего города, по крайней мере того района, в котором мы находились, были сильно изогнутыми, и попасть в кольцо и кружить вокруг одного кубика было бы трудно, поэтому мы сели в машину. Друг завел мотор, и мы поехали. Выехав из двора, мы свернули направо... Поворачивая направо на всех перекрестках, которые нам попадались, мы проехали полчаса. В итоге мы вернулись к тому самому двору, но уже с другой стороны, и теперь ездили вокруг него кругами. Было очевидно, что ни на сантиметр мы не приблизились к ответу, и тогда мне в голову пришла мысль сменить отправную точку. Я вспомнил все места, которые хоть как-то могли быть связаны с этой историей: дом в совершенно другом районе, в котором жил отец, телефонная будка, даже то место в парке, где я нашел те злополучные две копейки. И каждый раз, выезжая из этих мест и поворачивая направо, в конце концов, мы выходили на круг вокруг двора со слизью. Отгадка была близка, но обнаружить её мы так и не смогли. Не найдя никакого ответа, нам пришлось закончить свое путешествие. На этот раз.

На ужин был цыпленок. Сваренный цыпленок. Мама как обычно положила мне ножку. Я ел гарнир, глядя на мерзкую сваренную шкурку цыпленка, которую я терпеть не мог. Родители уже закончили есть и ушли в другую комнату смотреть телевизор, а я все продолжал поглощать гарнир. Вареная картошка с укропом. Я проглотил последний кусочек и теперь на моей тарелке лежала эта одинокая ножка, есть которую я не собирался. Чтобы как-то себя развлечь, я взял спички, и стал палить её шкурку, попутно размазывая по ней серу и пепел. Меня очень увлекло это занятие, и я самозабвенно продолжал курочить еду. Я прожигал и расковыривал шкурку в разных местах, рисуя какую-то непонятную картину, и, в конце концов, понял, что у меня получается чья-то обуглившаяся голова. Вот глаза, вот рот. Сейчас я нарисую нос... Так я и игрался, пока вдруг я не понял, что передо мной лежит голова моего отца. Обуглившаяся голова моего отца. Такой же лоб, такие же скулы, губы из свернувшейся шкурки. Поразительное сходство. Я сам не понимал, как на обычной куриной ножке я изобразил лицо близкого мне человека. Обуглившееся лицо моего отца. Обуглившееся лицо, с торчащей из него костью. Я испугался, что папа может зайти на кухню и увидеть это. Я любил своего отца и не хотел его обидеть, поэтому легким движением я разломал ножку на две части и бросил их в окно собакам.

Выбив деревянную дверь, мы вошли внутрь этого сарая. К сожалению, мы не обнаружили ничего необычного. Какие-то старые вещи, коробка с инструментами, старенький шкафчик со всяким барахлом, пропахшее мочой кресло, такой же пропахший коврик на полу. Было очевидно, что все эти предметы никак не связаны с бетонным саркофагом, на котором они находились. Мы решили посмотреть на сам саркофаг, и мой друг начал один за другим выкидывать предметы этого барахла наружу. Время от времени из дома выходили его жильцы. Я не увидел среди них ни одного знакомого лица, видимо, все они поселились здесь уже после моего переезда. Никто из них, видя, как мой друг крушит сарай, не проронил ни слова - им было все равно, для них это был просто чей-то чужой сарай. Наконец, мой друг вытащил из сарая опустошенный старый шкаф, все, что нам оставалось, это стащить с пола ковер. Я долго смотрел на бетонный пол саркофага... Это был все тот же саркофаг. Такой же прямоугольный, как и тот колодец, но залитый бетоном сверху. Залитый бетоном сверху саркофаг. Когда я видел его в последний раз, сверху был именно бетон. Теперь же я смотрел на него, и не понимал значения увиденного - саркофаг был покрыт шероховатым слоем темно-красной, даже бурой, краски. Именно такой краски, которой были покрыт туннель, стену которого я расковырял когда-то в детстве.

"Всегда смотри направо". Эта мысль никак не хотела покидать мой разум. И даже когда я просыпался, я тут же поворачивал голову направо и смотрел. Но картина не менялась, и передо мной была все одна и та же стена моей комнаты. Мой друг пропадал на работе, иногда мы созванивались, и тема того двора всегда присутствовала в наших разговорах. Наконец мы снова встретились. Он заехал за мной, и мы отправились по знакомому пути. Внезапно я вспомнил, что увидел сквозь то небольшое отверстие, которое проковырял ключом в стене. Двор сверху. Сверху. Как будто с крыши... Мы поднялись на крышу. Дверь на чердак была

под замком, но лом быстро сделал свое дело. Затащить коляску было трудно, но мы справились. Мы были на крыше. Крыша дома была плоской, с небольшим уклоном, поэтому перемещаться по ней на коляске было нетрудно. Оказавшись над своим окном, я посмотрел вниз. Сарай на месте лужи. Лавочка около подъезда. Ничего интересного. Друг дотронулся до моего плеча. Я посмотрел на него. Потом туда, куда он указывал пальцем. Направо. На небольшом возвышении, справа от нас был люк. Друг уже успел открыть крышку. Под ней была широкая труба, которая шла вниз. Труба показалась бы обычной вентиляционной, но внутри была лестница. Мой друг взял фонарик и стал спускаться по трубе вниз. Мне же не оставалось ничего, кроме как сидеть в своей коляске и проклинать свое уветье.

Какой же долгий спуск! И какого черта я сюда полез?.. Ладно, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Ну наконец-то! Кончилась проклятая лестница. Я спустился и обнаружил, что по трубе можно ходить, не пригибаясь. А странно... В подвале ведь труба казалась намного меньше, всего около метра в диаметре. Я задумался: внизу труба разветвилась. "Всегда смотри направо"... Ну да. Повернувшись лицом к лестнице, я пошел направо. Не знаю уж, сколько я шел, по ощущениям примерно час, но я начал слышать звук, похожий на человеческий голос. Я прибавил шаг. Голоса становились громче, но, тем не менее, я не мог понять ни слова, что они произносили. Меня охватило любопытство пополам со страхом. Это было очень странно. Голоса то приближались, то оставались позади, а труба была пуста. Я готов был поклясться, что голоса раздавались именно ВНУТРИ трубы, хотя я никого по пути не встретил. Я просто шел. Вперед. Путь казался вечным... "Еще бы! Идти по какой-то трубе с фонариком, все время в одном направлении, и даже свернуть некуда... Но дом-то уже должен был закончиться! Труба выходит за его пределы? В соседний дом? Или тут просто какая-то коммуникационная система?.." - думал я, неотступно продолжая свой путь. - "Хотя какие коммуникации, если труба пустая?" Вопросы, на которые я не мог найти ответов, появлялись в голове, но проходили быстро. И вдруг я увидел свет... Нет, не свет, скорее какое-то светлое пятно впереди. "Свет в конце туннеля!" - подумал я и усмехнулся. Эх... Если бы я мог догадываться, как же я был прав...

Я вошёл в ослепительный белый свет, казалось, что я стал со светом одним целым, и слизь.. Слизь была везде. Меня не покидало ощущение, что всё это сон, как будто я нырнул в море, и оно прератилось в слизь, рыбы, водоросли, медузы, все из слизи, даже небо, даже Аллах!. Я очнулся на полу в моей комнате, весь в собственных соплях. Очнулся от того, что меня тормозил отец.. Отец! Тот, кого я считал погибшим! Нет, не считал, я знал, что он погиб!

Прошло уже три дня. Я постоянно думаю об этой истории, я же прожил там целую жизнь! Как могло оказаться, что это всё было не настоящим? Может дело в проделках тёмных сил, а может причина в том, что я крепко сижу на героине с 6 лет.. В любом случае, я хочу скорее забыть об этом. Как можно скорее.

Читать ещё

- [Миниган](#)